

ЭДГАР БЕРРОУЗ

ТАРЗАН

4

6

5

СЫН ТАРЗАНА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТАРЗАНА В ДЖУНГЛЯХ
ТАРЗАН И СОКРОВИЩА ОПАРА

Тарзан

Эдгар Берроуз

Тарзан и сокровища Опара

«ЛитПаб»

1916

Берроуз Э. Р.

Тарзан и сокровища Опара / Э. Р. Берроуз — «ЛитПаб»,
1916 — (Тарзан)

ISBN 5-440-01174-9

Африканские джунгли полны опасностей и приключений. Отправившись в Опар, чтобы пополнить свою сокровищницу, по воле случая Тарзан забывает о той части своей жизни, которую он прожил лордом Грэйстоком, и вновь становится человеком-обезьяной...

ISBN 5-440-01174-9

© Берроуз Э. Р., 1916
© ЛитПаб, 1916

Содержание

I	5
II	9
III	12
IV	15
V	19
VI	23
VII	27
VIII	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эдгар Райс Берроуз

Тарзан и сокровища Опара

I

БЕЛЬГИЕЦ И АРАБ

Только доброе имя его предков, имя, которое он сам покрыл несмываемым позором, спасло лейтенанта Альберта Верпера от разжалования. Кое-кому удалось добиться для него назначения в один из отдаленных военных постов Конго, и он, таким образом, был избавлен от тяжелой необходимости предстать перед военным судом. Альберт Верпер знал, что военный суд наверное приговорил бы его к расстрелу, и потому первое время по прибытии в Конго он был искренне признателен тем, кто его сюда послал.

Но шесть месяцев постоянного одиночества, тягучего однообразия и полнейшей оторванности от внешнего мира изменили его взгляд на вещи и отношение к окружающим.

Он тосковал по веселой, шумной жизни Брюсселя, этой оживленнейшей из столиц. Он никогда так не тосковал при воспоминании о совершенных им преступлениях.

Целые дни проводил он в тяжелом раздумье, и сердце его томилось от болезненной жалости к самому себе. В душе его зарождалась глухая ненависть к людям, пославшим его сюда, к тем самым людям, которым он еще так недавно был признателен за то, что они избавили его от унижения и позора.

Чувствуя свое бессилие по отношению к сославшим его властям, он мало-помалу перенес всю накопившуюся в его душе злобу на представителя этих властей в Конго – своего непосредственного начальника.

Этот офицер был холодный, молчаливый человек. Он не пользовался особой любовью своих подчиненных, но черные солдаты его маленького отряда боялись и уважали его.

По вечерам Верпер и его начальник просиживали часами на веранде их общей квартиры, молча выкуривая одну папиросу за другой. Ни тот, ни другой не были склонны прервать молчание. И так как это тянулось в течение шести месяцев, то Верпер успел уже к этому привыкнуть. Но по мере того как его ненависть к капитану росла и превращалась в манию, он стал рассматривать природную молчаливость своего начальника как личное оскорбление себе. Ему казалось, что капитан презирает его за его прошлое, и мрачная злоба все росла и развивалась в его душе, пока в один роковой вечер не довела до убийства.

Они сидели по обыкновению на веранде и в молчании докуривали свои папиросы.

Вдруг Верпер вскочил. Глаза его сузились и налились кровью, веки дрожали, пальцы судорожно сжимали рукоять револьвера.

– Вы опять оскорбляете меня! – крикнул он, подбегая к капитану. – Это в последний раз! Я благородный офицер и не позволю всякому подлецу издеваться над собой!

Капитан с удивлением повернулся к нему. Ему уже раньше приходилось видеть людей, одичавших в джунглях, обезумевших от одиночества, гнетущей тоски и изнуряющей лихорадки. Он встал и протянул руку, чтобы положить ее на плечо лейтенанта. Он хотел успокоить, образумить его. Но Верпер не понял его движения: ему показалось, что капитан хочет его схватить; дуло его револьвера было на уровне сердца капитана, и не успел тот сделать шаг вперед, как Верпер нажал собачку.

Без крика, без стона упал человек на дощатый пол веранды...

Туман, заволакивавший сознание Верпера, внезапно рассеялся, и он увидел себя и свой поступок в таком свете, в каком должны были его видеть судьи. Возбужденные, взволнованные голоса донеслись до него из помещения солдат; в темноте кто-то бежал к веранде.

Вот сейчас они схватят его, убьют, а если и не убьют, то свяжут и отвезут вниз по Конго, где эта операция с неменьшим успехом будет произведена над ним полномочным военно-полевым судом, с той только разницей, что там она будет произведена со всей торжественностью, требуемой законом.

Верпер не хотел умирать. Никогда прежде не испытывал он такой жажды жизни, как сейчас, когда он и в самом деле лишил себя права жить.

Люди приближались к нему. Что делать? Он оглянулся вокруг, словно искал оправдания своему преступлению, но не нашел ничего, кроме трупа беспричинно убитого им человека. В отчаянии он повернул в другую сторону и бросился бежать от приближавшихся солдат. Он пробежал через двор, все еще сжимая в руке револьвер. У ворот его задержал часовой. Верпер не остановился для переговоров, он не попытался воспользоваться своим авторитетом как начальника, он просто поднял револьвер и пристрелил ни в чем неповинного чернокожего. Схватив винтовку и патронташ убитого, он распахнул ворота и исчез во мраке джунглей.

Всю ночь Верпер бежал вперед, углубляясь все больше и больше в чашу джунглей. Время от времени рычанье льва вблизи него заставляло его остановиться, но в следующий момент он уже снова бежал вперед, все время держа ружье наготове. Он гораздо больше опасался двуногих преследователей, чем диких хищников.

Занялась заря, а Верпер все стремился вперед. Он не испытывал ни голода, ни усталости, он думал только о том, чтобы уйти от покинутых им людей, убежать от ужасов, ожидавших его в заключении. Он не смел остановиться, чтобы перевести дух; он должен был укрыться от погони во что бы то ни стало. Он не знал, как долго он бежал, да и не задумывался над этим. Он все шел вперед, спотыкаясь и с трудом передвигая ноги, пока не свалился, наконец, совершенно обессиленный. Голод и усталость так изнурили его, что он лишился сознания.

В таком состоянии нашел его Ахмет-Зек.

Увидав заклятого врага – европейца, спутники Ахмета схватились за копья и хотели тут же на месте заколоть его, но Ахмет остановил их. Прежде всего ему нужно было допросить бельгийца. Ясно, что следовало сначала расспросить человека и уже потом убить его, но не сначала убить, а потом расспрашивать.

Лейтенант Альберт Верпер был перенесен в палатку Ахмет-Зека, и здесь несколько черных рабов занялись приведением его в чувство. Они по каплям вливали ему в рот вино и жидкую пищу, и понемногу пленник стал приходить в себя. Открыв глаза, он увидел фигуру араба у входа в палатку и незнакомые черные лица вокруг себя. Араб обернулся и, встретив взгляд пленника, вошел в палатку.

– Я – Ахмет-Зек, – объявил он. – Кто ты такой и что ты делал в моих владениях? Где твои солдаты?

– Ахмет-Зек!

Глаза Верпера широко раскрылись от удивления, а сердце сжалось от неприятного чувства. Он был в руках самого отчаянного из разбойников, известного своей ненавистью к европейцам, и в особенности к тем, которые носили бельгийскую военную форму. В течение многих лет военные силы бельгийского Конго безуспешно боролись с этим человеком и его приспешниками; это была долгая, непрерывная война, но она не привела ни к каким результатам.

Теперь в самой ненависти этого человека к бельгийцам блеснул луч надежды для Верпера. Он сам был таким же бесправным и отверженным, как и этот разбойник. В этом отношении они были равны, и Верпер решил воспользоваться этим.

– Я слышал о тебе, – отвечал он, – и искал тебя. Мои отвернулись от меня. Я ненавижу их. Бельгийские солдаты рыщут по моим следам, чтобы убить меня. Я знаю, что ты защитишь

меня от них, потому что ты тоже ненавидишь их. В благодарность за это я готов поступить к тебе на службу. Я – опытный солдат, я умею драться, и твои враги – мои враги.

Ахмет-Зек молча оглядывал европейца. Первой его мыслью было, что неверный лжет. Но могло ведь случиться, что он говорил и правду, а в таком случае его предложение достойно было серьезного внимания. Опытный боец никогда не может быть лишним в рядах сражающихся, тем более, если он, как этот европеец, обладает опытом и знанием военного дела.

Ахмет-Зек нахмурил брови, и сердце Верпера сжалось.

Но бельгиец не знал Ахмет-Зека, который способен был нахмуриться там, где другой бы улыбнулся, и улыбнуться там, где содрогнулся бы другой.

– Ну что ж! – проговорил Ахмет-Зек. – Если даже ты и солгал, убить я тебя всегда успею. Какой награды ожидаешь ты за свои услуги, если не считать того, что я дарю тебе жизнь?

– О, мне нужно только, чтобы ты кормил и одевал меня в первое время, – отвечал Верпер, – а там, если я заслужу большего, мы всегда сможем сторговаться.

В эту минуту у бельгийца было одно только желание – остаться в живых. Таким образом, контракт был заключен, и лейтенант Альберт Верпер стал членом разбойничьей шайки знаменитого Ахмет-Зека.

Вместе с дикими разбойниками-арабами дезертир-бельгиец теперь совершал дерзкие набеги на караваны и деревни туземцев и возвращался в стан нагруженным награбленной слоновой костью и с целыми толпами пленников, которых потом разбойники продавали в рабство. Он старался ни в чем не уступать своим новым товарищам и сражался с такой же яростью и жестокостью, как и они.

Ахмет-Зек с видимым удовольствием следил за успехами своего нового воина и начинал проникаться к нему доверием. Благодаря этому Верпер стал пользоваться большей свободой и независимостью.

У Ахмет-Зека была одна заветная мечта; он давно ее лелеял, но не мог найти случая осуществить ее. С помощью европейца это становилось значительно легче, и Ахмет-Зек решил довериться бельгийцу.

– Слышал ты когда-нибудь о человеке, которого зовут Тарзаном? – спросил он как-то Верпера. Верпер кивнул головой.

– Слышал, но никогда не встречался с ним.

– Если бы не он, мы могли бы продолжать наши дела спокойно и с гораздо большей прибылью, – продолжал араб. – Много лет уже он преследует нас. Он выгоняет нас из самых богатых областей страны, восстанавливает и вооружает против нас туземцев. Он очень богат. Если бы нам удалось заставить его выплатить нам большое количество золота, мы не только были бы отомщены, но и вознаграждены за те потери, которые мы потерпели из-за него.

Верпер вынул из усеянного драгоценными камнями портсигара папиросу и закурил ее.

– А ты подумал о том, как заставить его заплатить? – спросил он.

– У него есть жена, – отвечал араб, – она, как говорят, очень красива. За нее можно будет и на севере получить хорошие деньги, если будет слишком трудно добиться выкупа у этого Тарзана.

Верпер опустил голову и задумался. Ахмет-Зек стоял в ожидании ответа. Все, что осталось еще хорошего в Альберте Верпере, возмутилось при мысли, что он должен будет помочь похитить и продать белую женщину в рабство в мусульманский гарем. Он взглянул на Ахмет-Зека. Глаза араба сузились, он почувствовал, что Верперу этот план не по душе.

Что будет, если Верпер откажется участвовать в этом деле? Его жизнь в руках дикаря, который жизнь неверного ценит меньше, чем жизнь собаки. Верпер хотел жить, и какое дело было ему, в сущности, до этой женщины! Она, несомненно, была из европейского культурного организованного общества, а он был отверженным. Рука каждого белого человека была против

него, следовательно, она была его естественным врагом. Если он откажется принять участие в ее похищении, Ахмет-Зек убьет его. Нет, все-таки жизнь дороже всего.

– Не решаешься? – пробормотал Ахмет-Зек.

– Нет, я думал о том, насколько это выполнимо, а также о награде, которую я потребую. Как европеец, я легко могу получить доступ в дом. У тебя вряд ли найдется другой исполнитель для этой трудной задачи, кроме меня, риск очень велик. Ты хорошо заплатишь мне за это, Ахмет-Зек!

Довольная улыбка пробежала по лицу разбойника.

– Вот это хорошо сказано, Верпер! – проговорил он и похлопал лейтенанта по плечу. – Ты заслуживаешь хорошего вознаграждения, и ты его получишь. Но прежде всего надо подумать, как нам привести наш план в исполнение.

Они уселись на корточках на мягком коврик под вылинявшими шелками некогда великолепной палатки Ахмет-Зека и долго и таинственно шептались в темноте. От постоянного пребывания на свежем воздухе лицо бельгийца обветрилось и загорело и приняло тот темный оттенок, какой имеет кожа арабов; в своем костюме Верпер до мельчайшей подробности старался подражать своему господину; высокого роста, с лицом, обросшим густой бородой, он внешне был таким же арабом, как и Ахмет-Зек. Была уже поздняя ночь, когда Верпер вернулся в свою палатку.

На следующий день Верпер подверг самому строгому осмотру свой бельгийский мундир, тщательно удаляя с него все следы его прежнего назначения. Из своей богатой коллекции, образовавшейся из награбленных при разных обстоятельствах вещей, Ахмет-Зек извлек небольшой шлем и европейское седло; и, экипированный таким образом, Верпер выехал в сопровождении нескольких черных рабов-сафари из стана Ахмет-Зека.

II НА ПУТИ В ОПАР

Две недели спустя Джон Клейтон, лорд Грейсток, возвращаясь домой после осмотра своих обширных африканских владений, заметил кучку людей, которые ехали по равнине между его домом и лесом.

Он остановил лошадь и стал следить за маленьким отрядом. Его зоркий глаз издали заметил сверкающий на солнце белый шлем всадника, ехавшего впереди. Полагая, что это странствующий охотник-европеец, который направляется к его дому в надежде на гостеприимство, лорд Грейсток натянул поводья и медленно поехал навстречу незнакомцу, а через полчаса гость и хозяин уже входили в дом, и лорд Грейсток представил своей жене г. Жюля Фреко.

– Мы заблудились! – объяснил г. Фреко. – Мой проводник никогда прежде не бывал в этой местности, а те проводники, которых мы взяли с собой из последней деревни, знали эту местность еще меньше, чем мы, а вчера они и совсем бросили нас и убежали. Я счастлив, что встретился с вами. Не знаю, право, что бы мы стали делать, если бы не очутились случайно в ваших владениях.

Решено было, что Фреко и его люди останутся здесь на несколько дней, чтобы отдохнуть от тяжелого пути, а потом лорд Грейсток даст им проводника, который выведет их из этой незнакомой для них местности.

Под личиной французского джентльмена, хорошо воспитанного, любезного и свободно располагающего своим временем, Верперу нетрудно было обмануть своих хозяев и расположить их к себе. Но, чем дольше он оставался в доме, тем невозможнее казалось ему осуществление его планов.

Леди Грейсток никогда не выезжала одна далеко от дома, и беззаветная преданность свирепых вазири, из которых, главным образом, состояло войско Тарзана, делала невозможной попытку как похищения леди Джэн, так и подкупа самих вазири.

Прошла неделя, а Верпер, насколько он мог сам судить, был не ближе к своей цели, чем в день своего приезда. Но в это время случилось нечто такое, что не только преисполнило Верпера новой надеждой, но и внушило ему желание добиться даже большего вознаграждения, чем выкуп, заплаченный за женщину. Утром рассылный привез еженедельную почту, и лорд Грейсток, запершись в кабинете, до обеда был занят своей корреспонденцией. За обедом он казался расстроенным и, очень рано распрощавшись, ушел к себе. Леди Грейсток скоро последовала за ним.

Верпер, сидя на веранде, мог слышать их голоса; они о чем-то серьезно совещались. Хитрый бельгиец сразу сообразил, что тут происходит что-то необычное. Спокойно поднявшись со стула и стараясь держаться в тени густо разросшегося вокруг дома кустарника, он подкрался к окну, откуда доносились голоса его хозяев.

Уже первые услышанные им слова взволновали его. Говорила леди Грейсток.

– Я всегда опасалась за кредитоспособность этого общества. Но мне кажется совершенно невероятным, что они обанкротились на такую сумму. Я полагаю, что там были какие-нибудь крупные злоупотребления.

– Это, вероятно, так и есть! – отвечал Тарзан. – Но, какова бы ни была причина краха, факт остается фактом. Я потерял решительно все, и мне ничего не остается делать, как вернуться в Опар за новыми богатствами.

– О, Джон! – воскликнула леди Грейсток, и Верпер почувствовал, как дрожал ее голос. – Неужели нет другого выхода? Мне страшно подумать, что ты снова вернешься в этот ужасный

город. Я готова прожить всю жизнь в бедности, только бы тебе не пришлось снова подвергаться таким опасностям.

– Ты напрасно беспокоишься! – смеясь отвечал Тарзан. – Я достаточно благоразумен, чтобы быть осторожным, а кроме того вазири пойдут со мною, а уж они-то не дадут меня в обиду.

– Они однажды уже убежали из Опара, оставив тебя на произвол судьбы! – осторожно напомнила леди Джен.

– Они не сделают этого вторично. Им и тогда было очень стыдно за себя, и они уже возвращались обратно в Опар, когда я их встретил.

– Можно найти другой исход! – настаивала жена.

– Я не вижу никакой другой возможности приобрести состояние, как пойти в сокровищницу Опара! Я буду очень осторожен, Джэн. Жители Опара не будут даже знать, что я снова был у них в гостях и лишил их еще одной части сокровища, о существовании которого они даже и не подозревают. Впрочем, если бы они и знали о нем, они все равно не смогли бы оценить его! – заключил лорд Грейсток.

Решительность его тона очевидно убедила леди Грейсток в том, что дальнейшие споры будут бесполезны, и она переменяла разговор. Верпер постоял еще некоторое время под окном, но, уверившись в том, что он узнал самое важное, и боясь быть замеченным, вернулся на веранду.

Тут он посидел еще с полчаса, выкуривая одну папиросу за другой, а затем прошел в отведенную ему комнату.

На другое утро за завтраком Верпер объявил, что он думает уехать на днях, и попросил Тарзана разрешения поохотиться в его владениях на обратном пути из страны вазири.

Бельгиец провел два дня в приготовлениях к отъезду и, наконец, действительно уехал в сопровождении всей своей свиты и одного проводника из племени вазири.

Не успели они пройти нескольких верст, как Верпер заявил, что он захворал и намерен остаться здесь до тех пор, пока не поправится.

Так как они отошли не очень далеко от дома Грейстоков, Верпер отпустил проводника вазири, сказав, что вызовет его, как только сможет продолжать путь. По уходе вазири, Верпер потребовал к себе в палатку одного из наиболее преданных Ахмет-Зеку черных и отдал ему приказание следить, когда Тарзан двинется в путь, и в каком направлении он пойдет, и немедленно сообщить об этом ему, Верперу.

Бельгийцу недолго пришлось ждать. На следующий день разведчик возвратился с сообщением, что Тарзан с пятьюдесятью воинами из племени вазири на рассвете вышел из дома и направился на юго-восток.

Написав длинное письмо Ахмет-Зеку, Верпер призвал к себе предводителя своего отряда и сказал ему:

– Пошли сейчас же гонца с этим письмом к Ахмет-Зеку. Сам же ты останешься здесь и будешь ждать дальнейших распоряжений от него или от меня. Если сюда придут от англичанина, скажи, что я очень болен, лежу в палатке и не могу никого принять. А теперь дай мне человек шесть наиболее сильных и храбрых воинов, и я пущусь по следам англичанина. Я хочу узнать, где скрыто его сокровище.

И в то время, как Тарзан, сняв с себя европейский костюм, покрыв свои бедра куском меха и вооружившись самым примитивным образом, вел своих верных вазири к мертвому городу Опару, бельгиец-дезертир неотступно следовал за ним, продвигаясь по его следам в течение долгих жарких дней и останавливаясь на ночь вблизи стана его воинов.

А в это время Ахмет-Зек со всей своей шайкой ехал на юг, к поместью Грейстоков.

Для Тарзана-обезьяны это путешествие было сплошным праздником. Вся его цивилизованность была только внешним покровом, который он был рад сбросить при первом удобном

случае вместе со стеснявшим его европейским костюмом. Только любовь женщины удерживала его в рамках этой кажущейся культурности. Жизнь среди европейцев породила в нем презрение к цивилизации. Он ненавидел хитрость и лицемерие цивилизованного общества. Ничего, кроме трусливого, малодушного стремления к покою, комфорту и сохранению своего имущества, не видел он в этом хваленном обществе. Своим светлым природным умом он проник в его сущность. Он упорно отрицал, что самое прекрасное в жизни – музыка и литература – могли развиваться на такой гнилой почве: напротив, он настаивал на том, что они возникли и сохранились помимо цивилизации и несмотря на цивилизацию.

– Укажите же мне того толстого, самодовольного труса, – говорил он, – который когда-нибудь создал прекрасный идеал. Все светлое и прекрасное человеческого ума и сердца родилось в бряцании оружия, в борьбе за жизнь, в лапах нужды и голода, перед лицом смерти и опасности.

И Тарзан всегда с особой радостью возвращался к природе, как любовник, долго мечтавший о свидании со своей возлюбленной за каменными стенами своей темницы.

Его вазири были в сущности даже культурнее, чем он. Они варили мясо, прежде чем есть его, и от многих предметов, которые Тарзан почитал за лакомства, отворачивались, как от нечистых.

И так силен и заразителен был яд лицемерия, что даже прямой и смелый человек-обезьяна не решался дать волю своим природным страстям, стыдясь своих воинов. Он ел отвратительное копченое мясо, в то время как предпочел бы съесть его сырым и свежим; он убивал зверя из засады копьем или стрелой, в то время как ему хотелось кинуться на него и вонзить в его шею свои сильные здоровые зубы. Но Тарзан недаром был вскормлен дикой обезьяной: то, что вначале он испытывал как смутное желание, выросло в конце концов в настойчивое требование плоти. Он жаждал горячей крови свежеебитого зверя, его мускулы требовали битвы с могучими обитателями джунглей, битвы за жизнь и насмерть, чтобы он мог снова испытать свою силу, которая в первые двадцать лет его жизни давала ему единственное право на существование.

III ГОЛОС ДЖУНГЛЕЙ

Была ночь. Тарзан лежал в четырехугольной, сплетенной из колючих веток палатке, которая до некоторой степени защищала его и воинов от нападения диких зверей. Подле палатки, у пылающего костра, стоял на страже один из воинов вазири. В темноте время от времени загорались огненные желтые глаза, пристально глядевшие в огонь.

Больше часа Тарзан метался на своем ложе из травы и не мог уснуть. Вздохи, кашель львов и рычание других обитателей джунглей звучали мощным призывом в ушах этого дикого английского лорда. Воспользовавшись тем, что часовой отвернулся, он встал и неслышно, как призрак, раздвинул стенки палатки. В темноте сверкнули желтые глаза. Тарзан вскочил на ближайшее дерево. В течение некоторого времени он в избытке жизненной силы перескакивал с одного гигантского дерева на другое. Потом он поднялся на верхние тонкие, качающиеся ветви. Тут луна ярко освещала ему дорогу, легкий ветерок шелестел листвой деревьев, каждая хрупкая веточка, на которую он ступал, грозила ему смертью.

Он остановился на минуту и поднял голову и руки к луне Горо. Крик обезьяны-самца готов был сорваться с его губ, но он удержал его, боясь всполошить своих вазири: дикий призыв их господина был им хорошо знаком.

Теперь он двигался медленнее, осторожно крадучись по веткам. Тарзан-обезьяна выслеживал добычу. Он опустился на землю и очутился в непроглядной мгле джунглей. Свет луны не проникал сквозь темную листву. Деревья в этом месте росли так густо, что Тарзану все время приходилось продвигаться между стволами. Время от времени он нагибался и прикладывал нос к земле. На земле было много следов различных зверей; среди них он нашел свежий след оленя Бары. Рот Тарзана наполнился слюной, глухой рев вырвался из его груди. Исчезли последние следы искусственной сдержанности. Тарзан снова был первобытным охотником, первобытным человеком.

Он шел по направлению ветра, руководствуясь такими запахами, которые были бы совершенно нечувствительны для обыкновенного человека. Через шедшие в противоположную сторону следы хищников Тарзан по запаху проследил Бару; сладкий, терпкий запах следов кабана Хорты не мог вытеснить мягкий пряный аромат, оставленный копытом оленя.

И вот тонкое обоняние Тарзана предупредило его о том, что олень близко. Он снова взобрался на дерево и продолжал свой путь по нижним веткам, откуда легче было выслеживать добычу. Он настиг Бару на залитой лунным светом поляне. Тарзан бесшумно пробирался по деревьям, пока не очутился непосредственно над оленем.

В правой руке человека-обезьяны был длинный охотничий нож, принадлежавший еще его отцу. Сердце его было переполнено дикой радостью хищного зверя. На короткий миг он повис над ничем не подозревавшим Барой и вдруг бросился сверху прямо на гладкую спину животного. Под тяжестью человеческого тела олень упал на колени, и, прежде чем он успел подняться, острый нож вонзился ему в сердце. Тарзан вскочил на труп своей жертвы, чтобы ознаменовать свою победу криком торжества, но в эту самую минуту ветер донес до его ноздрей что-то такое, что заставило его насторожиться и удержать свой победный крик. Он стал пристально вглядываться в ту сторону, откуда дул ветер, и через минуту высокая трава на противоположной стороне лужайки раздвинулась, и лев Нума величественно вступил на поляну. Дойдя до середины поляны, он остановился, и его желто-зеленые глаза с завистью глядели на счастливого охотника. Нуме не везло в эту ночь. Глухой рев сорвался с губ человека-обезьяны. Нума ответил тем же, но не двинулся с места. Он тихонько помахивал хвостом и не сводил

глаз с Тарзана, который преспокойно уселся на корточки на туше оленя и отрезал здоровенный кусок мяса от задней части убитого животного.

Этому льву никогда прежде не приходилось встречаться с Тарзаном-обезьяной, и он был сейчас в полнейшем недоумении. Перед ним было существо по виду и запаху похожее на человека (а Нума уже испробовал человеческого мяса и знал, что, хотя оно и не самое приятное на вкус, но зато получить его гораздо легче, чем какое-либо другое), но в зверином реве этого существа было что-то, что напоминало Нуме огромных волосатых противников, и он стоял, не смея сдвинуться с места, в то время, как голод и запах горячего мяса раздражали его до безумия.

Тарзан все время наблюдал за Нумой и догадывался о том, что происходило в маленьком мозгу хищника.

Но соблазн был слишком велик, и Нума решился. Его хвост внезапно поднялся стоймя в воздухе, и в то же мгновение Тарзан, прекрасно знавший, что обозначает это движение, схватил в зубы отрезанный им кусок мяса и вскочил на ближайшее дерево. Нума, кинувшийся вперед со скоростью экспресса, нашел пустое место там, где рассчитывал наткнуться на противника.

Бегство Тарзана не было доказательством его трусости. Жизнь джунглей управляется иными законами, чем наша, и основывается на правилах, нам совершенно непонятных. Если бы Тарзан был голоден, он несомненно остался бы на месте и встретил льва, как равный. Он не раз поступал так прежде, а бывали случаи, когда он сам нападал на льва. Но на этот раз он был сыт, и в куске, который он захватил с собой, было больше мяса, чем он мог съесть. Но все же он не мог равнодушно смотреть, как Нума разрывал убитого им оленя. Дерзкая самоуверенность этого льва должна быть наказана. Тарзан решил во что бы то ни стало испортить Нуме удовольствие. Поблизости росло множество деревьев с большими, твердыми плодами. Тарзан с легкостью белки вскочил на одно из них и стал торопливо срывать тяжелые плоды и кидать ими в огромную кошку, которую эта неожиданная бомбардировка привела в ярость. Под градом снарядов Нума не мог продолжать ошипывать Бару; он только ожесточенно ревел и рычал, увертываясь, как мог, от ударов, и в конце концов вынужден был отступить.

С гневным ворчанием отошел он от туши оленя. Но, дойдя до середины поляны, вдруг смолк. Его крупная голова опустилась и вытянулась, тело приникло к земле, длинный хвост задрожал, и, крадучись, лев стал пробираться к деревьям на противоположную сторону поляны.

Тарзан тотчас же насторожился. Что могло привлечь внимание Нумы и заставить его забыть о своем поражении? Как только лев скрылся за деревьями, Тарзан почуял в воздухе запах человека. Прикрепив оставшийся кусок мяса к сучковатой ветке, он обтер жирные ладони о свои голые бедра и по верхушкам деревьев пустился вслед за Нумой. Широкая, проторенная дорожка вела от поляны к лесу. Параллельно этой дорожке, прячась между стволами, крался Нума, а над ним высоко в воздухе, словно призрак, двигался белый человек. Оба они одновременно увидели добычу Нумы. Впрочем, их тонкое обоняние уже раньше им сообщило, что это был черный человек, а Тарзан кроме того почувствовал еще, что это был старый незнакомый ему мужчина, потому что и раса, и пол, и возраст имеют свой отличительный запах.

Это был старый человек, одиноко пробиравшийся сквозь темные джунгли; сморщенный, высохший старикашка, весь изуродованный рубцами и татуировкой. Его плечи были покрыты шкурой гиены, и высохшая голова животного покоилась на его поседевшей макушке. По особым знакам на ушах Тарзан узнал в нем знахаря и с нетерпением стал ожидать, что собирается предпринять Нума. Тарзан недолюбливал знахарей Но в тот самый момент, когда Нума уже сделал прыжок, белый человек вдруг вспомнил, что месть сладка, и что лев несколько минут тому назад похитил его добычу.

Услышав за собой треск сухих веток, чернокожий знахарь обернулся и увидел в двадцати шагах от себя огромного черногривого льва, который бежал прямо на него. И прежде чем зна-

харь успел опомниться, он уже был в лапах Нумы. В это мгновение Тарзан прыгнул с ветки, всей тяжестью упал на спину хищника и погрузил свой нож в его спину под левую лопатку. Обмотав длинную гриву вокруг своей правой руки, он вонзил зубы в шею льва и обвил его туловище своими могучими ногами.

Нума заревел от боли и ярости, поднялся на задние лапы и упал на спину. Тарзан обладал нечеловеческой силой; он ни на минуту не выпускал льва из своих железных объятий и без перерыва вонзал свой нож в его бок. Несчастный зверь катался по земле, кусая и царапая воздух, рыча и корчась от невероятных усилий схватить страшное существо, сидевшее у него на спине. Тарзан сам был весь исцарапан, избит и покрыт кровью Нумы и липкой грязью; не раз лев почти сбрасывал его со своей спины, но приемыш обезьяны ни на единый миг не ослабил своих объятий, ни на мгновение не выпустил густой, всклокоченной гривы своего врага. Выпусти он ее хотя на миг, он сразу сделался бы жертвой кривых когтей и острых клыков, и карьера воспитанного джунглями английского лорда навсегда была бы окончена!

Знахарь лежал на том месте, где его настиг лев. Весь разодранный, истекающий кровью, он не в силах был подняться и убежать отсюда, и волей-неволей должен был наблюдать за ожесточенной битвой двух владык джунглей. Его провалившиеся глаза заблестели, сморщенные губы зашевелились над беззубыми деснами, бормоча заклинания неведомым демонам.

Он несколько не сомневался в исходе битвы: конечно, странный белый человек должен пасть жертвой великого Симбы! Где же слыхано, чтобы человек, вооруженный одним только ножом, убил такого могучего зверя?

Но вдруг глаза чернокожего расширились: он усомнился в правильности своих предположений. Что же это было за необыкновенное существо? Оно сражалось с Симбой и не сдавалось царю зверей! И вдруг в памяти его встала поблекшая от времени картина давно прошедших дней: много лет тому назад он видел в джунглях гибкого белокожего юношу, несшегося по деревьям во главе целого стада громадных обезьян. Глаза старика замигали: в них отразился суеверный страх человека, который верит в духов и демонов.

И теперь старый знахарь уже не задумывался над тем, кто одержит победу. Он знал, что этот бог джунглей убьет Симбу; и сейчас он опасался за свою судьбу еще более, чем прежде, когда он был уверен, что ему придется погибнуть в лапах льва.

Он видел, как лев начинает слабеть от потери крови, как его могучее тело дрожит и шатается. И вот, наконец, зверь свалился на землю, и ему больше уже не подняться. Знахарь видел, как лесной демон поднялся с побежденного врага и, поставив ногу на все еще трепещущее тело, поднял лицо к луне и из груди его вырвался такой дикий, лающий крик, что в жилах старого колдуна застыла кровь...

IV ПРЕДСКАЗАНИЕ СБЫВАЕТСЯ

Тарзан обернулся к старику. Он убил Нуму не для того, чтобы спасти негра; он сделал это исключительно из мести ко льву. Но когда он увидел перед собой беспомощного умирающего старика, чувство, близкое к жалости, закралось в его дикое сердце. В свои молодые годы он убил бы знахаря, не задумываясь, но цивилизация оказала свое смягчающее действие и на него, хотя и не сделала его ни трусливым, ни изнеженным. Он видел, что старик был уже при смерти и страдал. Нагнувшись к нему, Тарзан осмотрел его раны и остановил кровотечение.

– Кто ты? – дрожащим голосом спросил старик.

– Я Тарзан из племени обезьян, – отвечал человек-обезьяна, и в голосе его звучала не меньшая гордость, чем если бы он сказал: «Я Джон Клейтон, лорд Грейсток».

Знахарь вздрогнул и закрыл глаза. Когда он снова открыл их, в них была твердая решимость стойко перенести все пытки, которые готовил ему этот страшный дух лесов.

– Что же ты не убиваешь меня? – спросил он.

– Зачем мне убивать тебя? – проговорил Тарзан. – Ты не сделал мне зла. К тому же ты все равно уже умираешь, Нума-лев убил тебя.

– Так ты не убил бы меня?

Удивление и недоверие слышались в дрожащем старческом голосе.

– Наоборот, я спас бы тебя, если бы мог, – отвечал Тарзан, – но это невозможно. Почему ты думал, что я тебя убью?

С минуту старик молчал. Когда он заговорил, было видно, что ему немалых сил стоило собраться с духом.

– Я знал тебя еще раньше, – заговорил он, – еще в то время, когда ты бродил по джунглям поблизости от страны вождя Мбонги. Я уже был знахарем, когда ты убил Кулонгу и других воинов и ограбил наши хижины и унес наш сосуд с ядом. Сначала я не узнал тебя, но потом вспомнил белокожую обезьяну, которая жила с волосатыми обезьянами и досаждала жителям деревни Мбонги-вождя. Ведь это ты – бог лесов, Мунанго Ксевати, для которого мы выставляли пищу за ограду наших жилищ, и который приходил и съедал ее! Скажи мне, прежде чем я умру: человек ты или дьявол?

Тарзан рассмеялся.

– Я человек, – сказал он. Старик вздохнул и покачал головой.

– Ты намеревался спасти мне жизнь, – сказал он, – и за это я хочу отблагодарить тебя. Я великий знахарь. Слушай меня, белокожий! Тяжелые дни ждут тебя впереди. Это я прочел в моей собственной крови, которую я помазал на ладонь. Вернись, Мунанго Ксевати! Вернись назад, пока не поздно. Опасность ждет тебя впереди, опасность подстерегает тебя сзади. Но та, что впереди, страшнее. Я вижу...

Он остановился и вздохнул долгим, тяжелым вздохом, потом свернулся в маленький сморщенный клубок и умер.

И Тарзан так и не узнал, что еще видел старик в своей крови.

Было уже очень поздно, когда человек-обезьяна возвратился в палатку и лег среди своих воинов. Никто не заметил, как он вышел, никто не видел, как он вернулся. Он подумал, перед тем как уснуть, о предостережении знахаря и снова вспомнил о нем, когда проснулся. Но он не повернул обратно: Тарзан из племени обезьян был неустрашим. Но если бы он знал, что готовила судьба человеку, который ему был дороже всего на свете, он полетел бы назад домой сквозь деревья и предоставил бы золоту Опара навсегда покоиться в забытых кладовых древнего города.

В это утро в нескольких верстах позади Тарзана другой белый человек размышлял о том, что он слышал ночью, и был уже близок к тому, чтобы отказаться от своих намерений и повернуть назад. Это был убийца Верпер. В ночной тиши он услышал далеко впереди себя звук, который наполнил безумным страхом его малодушное сердце. Такого звука он не слышал никогда в жизни. Ему никогда и не снилось, что такой звук мог исходить из легких земного существа. Он услышал победный крик обезьяны-самца, который Тарзан послал к лику луны Горо; он задрожал и закрыл лицо руками. И теперь при ярком свете дня он дрожал при одном воспоминании о нем и хотел бежать от неведомой опасности, которую предвещало ему эхо, разнесшееся ночью по джунглям. Но бельгиец удерживал еще больший страх; он боялся своего господина Ахмет-Зека.

И все время, пока Тарзан, приемыш обезьяны, упорно прокладывал себе путь к разрушенным крепостным валам Опара, за ним, как шакал, крался Верпер. И никому не было известно, что ожидает их впереди.

На краю пустынной долины, за которой виднелись золотые купола и минареты Опара, Тарзан остановился.

Он хотел предварительно пойти туда ночью на разведку, потому что он обещал леди Джэн быть крайне осторожным в своих действиях в продолжении всего этого путешествия.

С наступлением ночи он двинулся в путь. Верпер, пробравшийся по скалам вслед за отрядом Вазири и скрывавшийся в течение дня между огромными валунами на вершущке горы, крадучись следовал за ним.

Перед наружными стенами города возвышалась крутая гранитная скала. В этой именно скале находился вход в туннель, который вел в сокровищницу Опара. Все пространство у скалы было усеяно каменными глыбами, и, прячась за них, Верпер легко мог остаться незамеченным.

Тарзан легко взобрался на неприступную скалу. Верпер, кряхтя и обливаясь потом, дрожа от боязни, но подгоняемый вперед ненасытной жадностью и страхом перед своим хозяином, карабкался вслед за ним и достиг, наконец, вершины скалистого холма. Тарзана не было видно. Верпер притаился за одним из больших камней, разбросанных по вершине скалы, но не слыша шагов Тарзана, он вышел и стал внимательно оглядываться вокруг себя. Он надеялся, что ему удастся открыть местонахождение сокровищ и скрыться, прежде чем Тарзан вернется сюда. Бельгиец хотел пока только найти путь к золоту, а потом, по уходе Тарзана, вернуться сюда со своими спутниками и унести с собой столько золота, сколько они в состоянии будут поднять.

Он скоро нашел узкую расселину в скале. Сглаженные от времени и от многочисленных человеческих шагов гранитные ступени вели в глубь скалы. Верпер спустился вниз и очутился перед отверстием, ведущим в длинный темный туннель. Здесь он остановился; он боялся наткнуться на возвращающегося Тарзана.

А Тарзан в это время ощупью пробирался по гранитному коридору к тяжелым деревянным дверям сокровищницы. Минуту спустя он уже стоял посреди кельи. Сюда много лет назад давно покоящиеся руки сложили несметное богатство, принадлежавшее владыкам Атлантиды – того великого материка, который теперь лежит глубоко под водами Атлантического океана.

Ничто не нарушало мертвой тишины подземной комнаты. Никто не входил сюда с тех пор, как Тарзан в последний раз закрыл за собой массивную дверь.

Довольный осмотром, Тарзан вернулся назад. Верпер из-за гранитного выступа следил за ним, пока он поднимался снизу из мрака лестницы. Тарзан вышел из туннеля и направился к той стороне долины, где верные вазири ждали своего господина. Тогда Верпер осторожно вылез из своего убежища, вошел в только что покинутое Тарзаном темное отверстие и исчез во мраке коридора.

Тарзан остановился на краю скалы и огласил долину раскатистым рычанием льва. Три раза повторил он призыв и остановился, внимательно прислушиваясь к замирающему эху. И

в ответ с далекого конца равнины слабо донеслось такое же рычание – один, два, три раза. Басули, предводитель вазири, услышал призыв своего господина и ответил.

Тарзан снова направился к сокровищнице, зная, что через несколько часов его черные воины будут с ним, а пока он хотел снести наверх столько слитков, сколько он успеет взять до прихода Басули. В течение пяти часов, которые потребовались Басули, чтобы добраться до скалы, Тарзан успел шесть раз сходить в сокровищницу и обратно. Сорок восемь слитков чистого золота принес он к краю скалы. Каждый раз он брал с собой такую грудку слитков, под тяжестью которой обыкновенный человек сразу свалился бы, но на его исполинской фигуре не было видно и следов утомления. Наконец подошли и его воины, и Тарзан с помощью веревки, специально для этой цели захваченной, поднял их одного за другим на верхушку скалы.

Шесть раз возвращался Тарзан в сокровищницу, и шесть раз Верпер прятался за темный выступ в стене коридора. Когда Тарзан в седьмой раз прошел мимо Верпера, за ним прошли еще пятьдесят вооруженных человек.

Пятьдесят воинов цвета черного дерева сделались носильщиками только из любви к могучему белому человеку. Только он один мог своим приказом заставить сынов свирепого и высокомерного племени взяться за труд, недостойный храбрых воинов. И еще пятьдесят два слитка были вынесены из хранилища. Всего с прежде вынесенными Тарзаном – сто слитков, которые он рассчитывал взять с собой.

Когда последний из вазири вышел из комнаты, Тарзан вернулся, чтобы в последний раз взглянуть на сказочное богатство Атлантиды. Два набега, совершенные им сюда, были совершенно незаметны в этой грудке золота. Дрожащее пламя свечи, которую Тарзан принес с собой, впервые за многие века рассеяло непроглядный мрак комнаты. С тех пор, как люди покинули и забыли ее, ни единый луч света не проникал сюда. Тарзан вспомнил, как он впервые вошел в эту келью, случайно наткнувшись на нее во время своего бегства из подземелий храма, куда его спрятала Лэ, верховная жрица солнцепоклонников.

Перед его глазами снова встала сцена в храме, когда он лежал связанный на жертвенном алтаре, а над ним с высоко поднятым в воздухе кинжалом стояла Лэ. По обе стороны алтаря, выстроившись в ряд, жрецы и жрицы в фанатическом экстазе ждали первой струйки его горячей крови, чтобы наполнить ею свои золотые чаши и выпить ее в честь огненного бога.

Он вспомнил, как Та, обезумевший жрец, прервал богослужение и в ярости набросился на своих товарищей, и как они обратились в бегство от озверевшего жреца; Тарзан вспоминал далее, как безумец напал на Лэ, и он, Тарзан, вступил с ним в бой и бросил к ногам жрицы труп человека, который хотел ее обесчестить.

Картины одна за другой проходили перед его памятью в то время, когда он созерцал длинные слитки темно-желтого металла. Ему хотелось знать, властвует ли еще Лэ в храмах разрушенного города там наверху, над его головой, Неужели ее принудили наконец соединиться с одним из отвратительных жрецов? Какая жестокая участь для такой прекрасной девушки! Тарзан потрянул головой, словно отгоняя от себя все эти мысли, и, потушив мерцавшую свечу, повернулся к выходу.

Сзади него бельгиец ждал его ухода. Он узнал тайну, из-за которой сюда пришел Тарзан. Сподвижник Ахмет-Зека теперь мог спокойно возвратиться к поджидавшим его друзьям, привести их в сокровищницу и унести с собой столько золота, сколько им будет по силам.

Вазири успели уже достичь противоположного конца коридора. Они подымались наверх, с радостью вдыхая свежий воздух и приветствуя звездное небо. Тарзан наконец спохватился, отогнал охватившие его воспоминания и медленно последовал за ними.

Еще один раз, вероятно, в последний раз, закрыл он за собой массивную дверь забытой сокровищницы. А в темноте, сзади него, Верпер поднялся на ноги и расправил свои онемевшие члены.

Он протянул руку и с любовью погладил золотой слиток в ближайшем ряду. Подняв его с места, на котором золото лежало с незапамятных времен, Верпер взвесил его в руке и в порыве безумной жадности прижал его к своей груди.

Тарзан в это время мечтал о счастливом возвращении домой, о нежных руках, которые обвяжутся вокруг его шеи, о теплой щеке, которая прильнет к его лицу. И вдруг среди радостных мыслей встало воспоминание о старом знахаре и его предсказании... И его сладостные мечты потускнели.

Несколько коротких, быстрых мгновений разбила надежды этих двух людей. Один забыл о золоте в охватившем его безумном страхе, сорвавшийся острый осколок скалы нанес глубокую рану в голову другому, и этот человек забыл решительно все, что было в его прошлой жизни.

V

АЛТАРЬ ОГНЕННОГО БОГА

Это случилось в ту минуту, когда Тарзан, закрыв двери, повернул к выходу. Кругом царили тишина и спокойствие. Вдруг земля зашаталась, заколебалась. Огромные куски гранита отламывались с потолка коридора и падали вниз, закупоривая проход; могучие гранитные стены затрещали, раскололись, покривились и повисли над обломками. Сорвавшейся сверху каменной глыбой Тарзана отбросило к дверям. Под тяжестью его тела двери растворились, и он грохнулся на пол.

В большой комнате, в которой сложено было золото, землетрясение произвело меньше повреждений, чем в коридоре. Несколько слитков упало с верхних рядов, кусок гранита откололся от потолка и рассыпался по полу, стены дали трещину, но не развалились.

После первого толчка все успокоилось. Верпер, свалившийся на пол при первом колебании почвы, поднялся на ноги и убедился в том, что он цел и невредим. Он ощупью пробрался к противоположному концу комнаты, где Тарзан оставил свечу; она была прикреплена воском к одному из слитков.

При помощи спичек, которые оказались у него в кармане, бельгиец нашел наконец то, что искал. Когда слабые лучи понемногу рассеяли густой мрак, Верпер облегченно вздохнул. В темноте его положение казалось ему еще более безнадежным.

Глаза его понемногу привыкли к свету, и он обернулся к дверям. Сейчас у него было одно только желание: бежать, как можно скорее бежать из этой страшной могилы! Но когда он увидел тело обнаженного гиганта, лежавшее неподвижно на полу у самых дверей, он отступил назад во внезапном страхе быть накрытым. Вглядевшись пристальнее, он немного успокоился: он пришел к убеждению, что англичанин мертв. Из громадной зияющей раны на голове Тарзана сочилась кровь, и на каменном полу образовалась кровавая лужа.

Верпер торопливо перескочил через тело Тарзана и устремился в коридор. Ему ни на минуту не пришлось в голову оказать помощь человеку, который, может быть, еще не умер, а только потерял сознание от удара и потери крови. Он думал только о том, как бы спастись самому. Но возродившаяся на мгновение надежда снова исчезла: у самых дверей коридор был совершенно загроможден грудой обломков.

Ему ничего не оставалось делать, как вернуться в сокровищницу. Взяв в руки свечу, он начал обследовать комнату. Прямо против коридора оказалась другая дверь. Он толкнул ее, и она сразу распахнулась, заскрипев на петлях. За ней открывался второй, такой же узкий коридор. Верпер пошел вперед и скоро очутился у каменной лестницы, которая вела наверх. Двадцатью футами выше начинался новый коридор. Мерцающая свеча освещала Верперу дорогу. Он был счастлив, что в руках у него был этот неудобный, вышедший из моды фитилек, на который он час тому назад, может быть, посмотрел бы лишь с презрением. Вдруг ему пришлось остановиться. У самых его ног зияла черная яма, и здесь, по-видимому, туннель заканчивался.

Вглядевшись повнимательнее, Верпер увидел, что эта черная яма представляла из себя нечто вроде круглой шахты. Он поднял свечу над отверстием и глубоко внизу увидел игравшее на водной поверхности отражение света. Это был водоем. Подняв свечу повыше, он стал вглядываться в темноту. На противоположной стороне туннель снова продолжался. Но как перескочить через этот колодец?

Верпер мысленно измерял расстояние до противоположной стороны колодца и раздумывал о том, стоит ли попытаться сделать такой огромный прыжок. Размышления его были прерваны пронзительным визгом, который, постепенно ослабевая, закончился несколькими

зловещими завываниями. Голос был похож на человеческий, но крик был так напряжен, так ужасен, словно вырвался у великого грешника, который корчился от пыток на адском огне.

Бельгиец задрожал и в ужасе взглянул вверх, откуда ему послышался этот крик. Высоко у себя над головой он увидел клочок неба, усеянного яркими звездами. Он уже был готов крикнуть о помощи, но этот ужасающий крик остановил его. Там, где раздавался такой голос, не могли жить люди. Он не смел выдать своего присутствия жителям этого города, кто бы они ни были. Он проклинал себя за то, что решился на такое дело, и горько жалел, что не вернулся сразу в лагерь Ахмет-Зека. Он даже готов был отдаться в руки военных властей Конго, если бы это только могло спасти его из того безнадежного положения, в каком он находился сейчас.

Замирая от ужаса, Верпер прислушался. Но крик не повторился. Побуждаемый безумным страхом, он решился наконец на отчаянный прыжок. Отойдя шагов на двадцать он собрал все свои силы, разбежался, оттолкнулся у края водоема и прыгнул, и в этот момент свеча в его руке погасла. Он летел вперед с вытянутыми руками, чтобы схватиться за что-нибудь в случае, если ноги не встанут на твердую почву.

Он ударился коленями о каменный пол в противоположной стороне туннеля, и его сразу отбросило назад. Несколько мгновений он судорожно цеплялся за камни и наконец повис над отверстием; ноги его болтались над черной бездной, а верхняя часть туловища была над водоемом. Но он был все-таки цел. Несколько минут он не смел двигаться и продолжал висеть в таком положении, обливаясь потом и слабая с каждой минутой. С величайшей осторожностью ему удалось, однако, кое-как выкарабкаться наверх, и он вполз в туннель. Здесь он растянулся на полу совершенно обессиленный, стараясь совладать со своими потрясенными нервами.

Во время своего прыжка Верпер выронил свечу. Ему пришло в голову, что она должна была упасть в глубь коридора, а не назад в темную пустоту колодца. Он приподнялся и, ползая на четвереньках, принялся терпеливо и настойчиво шарить вокруг себя. Этот маленький саленый огарок был ему сейчас несравненно дороже всех сказочных богатств Опара. И когда он наконец нашел его, он прижал его к груди и упал на пол, рыдая от слабости и волнения. Бельгиец довольно долго пролежал в таком состоянии, весь разбитый и дрожащий. Потом, немного собравшись с силами, он заставил себя сесть, вынул из кармана спички и зажег драгоценный огарок. При свете ему легче было совладать со своими нервами, и он снова стал продвигаться вперед в поисках выхода из этого ужасного лабиринта.

Отвратительный крик, донесшийся до него через верхнее отверстие древнего водоема, все еще преследовал его воображение, и он вздрагивал при звуке своих собственных шагов. Но не успел он отойти на сколько-нибудь значительное расстояние, как вдруг, к его отчаянию, дорогу ему преградила каменная стена. Что это могло обозначать?

Верпер был умный и образованный человек. Военная тренировка недаром приучила его соображать в тех случаях, когда нельзя было брать силой. Такой закрытый, кончающийся тупиком туннель не имел смысла: он непременно должен был продолжаться по ту сторону стены. Очевидно, когда-то в прошедшие времена кому-то понадобилось закрыть здесь проход. При свете свечи Верпер стал осматривать стену. К великой своей радости он увидел, что тонкие обтесанные камни в кладке стены не были скреплены между собой, а были просто сложены без извести и цемента. Он попробовал вытащить один из камней; тот легко поддался. Он извлек один за другим еще несколько камней, и мало-помалу образовалось отверстие, в которое можно было пролезть. Верпер пролез и по ту сторону стены очутился в большой низкой комнате. В одной из стен была большая дверь. Верперу нетрудно было открыть ее, потому что она не была заперта снаружи. За нею опять лежал темный длинный коридор. Бельгиец пошел по коридору; но едва он успел отойти на несколько шагов, как свеча, догоревшая до основания, обожгла ему пальцы. С проклятием выронил он ее на пол. Маленький фитилек затрещал и погас.

Верпер снова был в темноте. Мурашки пробежали по телу несчастного дезертира. Он не знал, какие ямы лежали впереди и какие опасности его ожидают, но он чувствовал, что никогда еще не был так далек от свободы, как сейчас. Окружающий мрак действовал на него угнетающе.

Он медленно стал пробираться вперед, держась руками за стены, ощупывая ногами каждую пядь, прежде чем сделать шаг вперед. Он не мог отдать себе отчета, как долго двигался он таким образом, но чувствуя, что этому туннелю нет конца, он решил прилечь и отдохнуть, прежде чем продолжать свой путь.

Когда он проснулся, его окружала все та же темнота. Он не знал, сколько времени он проспал: может быть, одну секунду, а может быть, и целый день; но во всяком случае он действительно спал, потому что чувствовал себя теперь освеженным, бодрым и голодным.

Бельгиец снова пустился вперед ощупью. На этот раз ему пришлось идти недолго. Коридор закончился большой светлой комнатой. Свет проникал сюда из отверстия в потолке, а к этому отверстию с пола комнаты поднималась высокая каменная лестница. Солнечный свет высоко вверху играл на массивных колоннах, обвитых диким виноградом. Верпер прислушался. Где-то в густой листве шелестел ветер, сверху доносились хриплые голоса птиц и беспрерывная болтовня мартышек.

Он не задумываясь поднялся по лестнице и очутился посреди круглого двора. Прямо перед ним возвышался каменный жертвенник, весь покрытый темно-бурыми пятнами. Верпер сейчас не обратил внимания на эти пятна, и лишь впоследствии их происхождение стало достаточно ясным и очевидным для него. Кроме отверстия в полу за алтарем, через которое Верпер поднялся из подземелья, на уровне пола было еще несколько дверей. Над двором, окружая его со всех сторон, поднимались несколькими ярусами высокие открытые галереи. Обезьяны играли в пустынных развалинах, яркие птицы перепархивали с колонны на колонну и кружились высоко в верхних галереях, но ничто здесь не выдавало присутствия человека. Верпер облегченно вздохнул, и у него словно гора с плеч свалилась.

Он сделал шаг по направлению к одной из дверей и вдруг остановился, пораженный ужасом.

Почти одновременно в каменной стене распахнулось несколько дверей, и целая толпа странных людей высыпала оттуда и набросилась на бельгийца.

Это были жрецы огненного бога города Опара, те косматые, коренастые, низкорослые уродцы, которые много лет назад приволокли Джэн Клейтон в свой храм к жертвенному алтарю.

Их длинные руки, короткие кривые ноги, злые близко посаженные глаза и низкие покатые лбы придавали им такой дикий, звериный вид, что кровь застыла в жилах бельгийца. С отчаянным криком кинулся он назад к лестнице, по которой за минуту перед тем поднялся сюда из подземелья, но ужасные уродцы загородили ему дорогу и схватили его. Верпер упал перед ними на колени и ползал по земле, умоляя пощадить его; но они связали его и потащили, волоча по полу, к подножию жертвенника.

То, что последовало, было лишь повторением той процедуры, которая была проделана прежде над Тарзаном и Джэн Клейтон. В храм вошли служительницы огненного бога и с ними Лэ, верховная жрица. Верпера подняли и положили поперек жертвенника. Холодный пот выступил у него на лбу, когда Лэ подняла над ним острый жертвенный нож. Словно сквозь туман доносились до него звуки гимна смерти; его глаза были устремлены на маленькие золотые чаши в руках жрецов и жриц. Вот сейчас эти вампиры наполнят свои чаши его горячей красной кровью и утолят ею свою нечеловеческую жажду.

О, если бы он только мог забыть, не сознавать, не чувствовать, как вонзится в сердце острое лезвие ножа!

Страшное рычание вдруг раздалось у самых его ушей. Нож дрогнул в руке верховной жрицы, глаза ее расширились от ужаса. Остальные жрицы в смятении с дикими воплями бросились к выходам. Жрецы ревели от ярости и страха. Верпер вытянул шею, стараясь повернуть голову, чтобы увидеть, что произвело такую панику среди служителей огненного бога. И когда ему это наконец удалось, он замер от ужаса: огромный лев стоял посреди храма, и под его жестокими лапами лежало изуродованное тело его первой жертвы.

Царь пустыни снова зарычал и метнул злой взгляд в сторону жертвенника. Лэ вздрогнула, закачалась и плашмя упала на Верпера.

VI АРАБ-РАЗБОЙНИК

Как только Басули и его воины оправились от ужаса, охватившего их во время землетрясения, они немедленно вернулись в туннель. Они пошли искать Тарзана и двух вазири, которых не досчитались.

Весь коридор был загроможден обломками скал. В течение двух дней вазири работали, не покладая рук, расчищая себе дорогу к своим товарищам. После невероятных трудов им удалось расчистить путь всего на несколько ярдов, и из-под обломков они извлекли изуродованный труп одного из своих товарищей.

Продолжая трудиться над расчисткой туннеля, они громко звали своего белого господина и черного товарища, но ни одного звука не раздавалось в ответ из темной глубины. Решив, что Тарзан и чернокожий погибли под обломками и не нуждаются уже более в их помощи, вазири в конце концов прекратили свои поиски. В последний раз кинули они взгляд, полный слез, на место гибели своего господина и, взвалив на плечи тяжелые слитки золота, которые должны были доставить если не спокойствие и радость, то все же некоторые удобства их бедной, любимой госпоже, они направились обратно через безлюдную мрачную долину Опара и девственные леса к далекому дому Грейстоков.

Верные вазири и не подозревали, что происходило в это время в этом счастливом, полном покоя доме!

С севера шел Ахмет-Зек, вызванный письмом бельгийца. За ним следовала вся его орда, состоявшая из арабов и чернокожих. Все эти арабы были закоренелые преступники, преследуемые законом, да и негры были нисколько не лучше: они были набраны из наиболее невежественных и диких племен, через земли которых арабы-грабители проходили совершенно безнаказанно.

Мугамби, черный Геркулес, сопровождавший Тарзана во всех его путешествиях от Острова Джунглей до верховья Угамби и не раз деливший с ним опасности, первый заметил приближение зловещего каравана.

Тарзан поручил ему предводительство над воинами, которые остались оберегать леди Грейсток. Более смелого и преданного защитника трудно было найти. Этот черный великан был диким, бесстрашным воином, но его ум и преданность были так же велики, как его рост и свирепость.

Он неотступно следовал за своей госпожой, когда она выражала желание поохотиться или прокатиться верхом по равнине, чтобы рассеять скуку одиночества. Когда же она оставалась дома, Мугамби всегда старался держаться возле нее.

Разбойники были еще очень далеко от дома, когда пронизательный взгляд Мугамби уже заметил их. Он остановился, внимательно глядя в приближающийся караван, а потом повернулся и бросился бегом к негритянским хижинам, лежавшим в нескольких стах ярдов от дома. Он созвал воинов, праздно сидевших и лежавших около своих хижин, и отдал им приказание готовиться к битве. Чернокожие схватились за щиты и оружие. Некоторые побежали в поле предупредить земледельцев и пастухов о приближавшейся опасности, остальные последовали за Мугамби к дому Грейстоков.

Далеко на равнине крутилась пыль, вздымаемая караваном Ахмет-Зека. Мугамби не был уверен, что это неприятели; но он не даром прожил всю свою долгую жизнь в дикой Африке: ему уже приходилось встречаться с такими непрошеными гостями. Иногда они приходили с самыми мирными намерениями, иногда врывались войной, но цель их прихода никогда нельзя

было определить заранее. Во всяком случае, лучше всегда быть наготове. Мугамби очень не нравилась подозрительная быстрота, с какой незнакомцы приближались к дому.

Дом Грейстоков не был приспособлен для обороны. Он даже не был огорожен частоколом. Тарзан построил его в стране безгранично преданных ему вазири и не рассчитывал, что какой-нибудь неприятель осмелится на него напасть.

На всякий случай к окнам были приделаны тяжелые деревянные ставни, чтобы защитить их от неприятельских стрел. Мугамби начал спускать ставни, когда леди Грейсток появилась на веранде.

– В чем дело, Мугамби? – воскликнула она. – Что случилось? Для чего ты спускаешь ставни?

Мугамби указал ей на равнину, где сейчас была ясно видна кавалькада белых всадников.

– Это арабы! – пояснил он. – Они с недобрым намерением пришли сюда. Они, вероятно, узнали, что Великого Бваны здесь нет.

На расчищенной лужайке за цветущим кустарником Джэн Клейтон увидела блестящие тела своих вазири. Солнце играло на металлических наконечниках их копий, в пестрых перьях их головных уборов и сверкало на лоснящихся черных плечах и выдающихся скулах. Какая опасность могла пугать ее, когда у нее были такие защитники?

Арабы были уже в ста ярдах от дома. Мугамби поспешил к своему войску. Он вышел вперед и громким голосом окликнул незнакомцев. Ахмет-Зек выпрямился в седле и остановился впереди своего отряда.

– Араб! – крикнул Мугамби, – что нужно тебе здесь?

– Мы пришли с миром! – ответил Ахмет-Зек.

– Тогда поверните назад и идите с миром, – ответил Мугамби. – Вы нам здесь не нужны. Между арабом и вазири не может быть мира.

Мугамби не был вазири по происхождению, но принятый в члены этого племени, он сделался наиболее ярым защитником его чести и традиций.

Ахмет-Зек приблизился к одному крылу своих войск и тихо сказал что-то, и в следующий же момент арабы дали оглушительный залп по войскам Мугамби. Два черных воина упали на землю, остальные хотели броситься в атаку, но Мугамби удержал их: он был так же осторожен, как и храбр. Он знал, насколько бесполезно было бы нападение на конных воинов, вооруженных мушкетами. Часть своего войска он разместил в саду за кустарником, часть спрятал в других местах подле дома; шесть человек он послал в дом, строго-настрого приказав им не выпускать госпожу из дому и защищать ее ценою собственной жизни.

Следуя военной тактике сынов пустыни, Ахмет-Зек выстроил свое войско в длинную, узкую кругообразную линию и галопом помчался к дому Джэн Клейтон. Ближайшая к вазири часть круговой линии открыла непрерывную ружейную пальбу по кустарнику, за которым были спрятаны воины Мугамби. В свою очередь и вазири засыпали ближайших к ним врагов своими меткими стрелами.

Вазири, прославленные меткой стрельбой из лука, в этот день действительно доказали свое искусство. Не один смуглый всадник, всплеснув руками над головой, свалился с коня, пронзенный смертоносной стрелой. Но силы были неравные. Арабов было слишком много; их пули проникали сквозь кустарники и попадали в цель, которую даже и не заметили арабские стрелки. А тем временем Ахмет-Зек, обойдя дом на полверсты, подошел к нему с незащищенной стороны, вырвал часть плетня и ворвался со своими воинами во владения Грейстоков.

Бешеным галопом промчались они по полям; они не останавливались уже больше, чтобы разбирать плетни; они неслись прямо вперед, перескакивая через препятствия с такой легкостью, словно летели по воздуху.

Мугамби увидел их и, созвав своих уцелевших воинов, бросился защищать дом. На веранде с ружьем в руках стояла леди Грейсток. Благодаря своим крепким нервам и хладно-

кровному спокойствию, она метко целилась и не одного араба наказала за дерзкое вторжение в ее владения; недаром несколько лошадей неслись уже порожняком навстречу наступающей орде.

Мугамби втолкнул свою госпожу в дом и со своим поредевшим войском приготовился к последнему сопротивлению.

Арабы с криком мчались вперед, размахивая ружьями над головой. Домчавшись до веранды, они разом остановились и дали залп по вазири, которые, стоя на коленях, засыпали арабов стрелами из-за своих длинных овальных щитов. Эти щиты были, может быть, хорошей защитой от вражеской стрелы, они могли отразить удар копьем, но они были совершенно непригодны для отражения свинцовых пуль арабских стрелков.

Вазири, спрятанные в доме, пускали свои стрелы из-за полуопущенных ставней. Они были в большей безопасности, чем люди на веранде, и их стрелы лучше достигали цели; поэтому, после первого приступа Мугамби со всеми своими воинами удалился в дом.

Не переставая стрелять, арабы медленно продвигались вперед и наконец окружили маленькую крепость плотным кольцом. Теперь стрелы, выпущенные из дома, пролетали над их головами, а они безнаказанно могли стрелять по окнам. Один за другим гибли воины вазири. Все реже и реже вылетали стрелы в ответ на ружейные выстрелы арабов. Ахмет-Зек scomандовал на приступ. Продолжая стрелять на бегу, кровожадные арабы бросились к веранде. С дюжину злодеев пали от стрел защитников леди Грейсток, но большинство добрались до двери и стали разбивать ее ружейными прикладами. В треск ломаемого дерева ворвался грохот ружейного выстрела: это Джэн Клейтон сквозь двери стреляла в жестокого врага.

По обе стороны двери люди валились как мухи, но дверь была слабой защитой. Она поддалась наконец напору наступающих и разлетелась на части. Толпа темнокожих убийц ворвалась в комнату. Там в углу стояла Джэн Клейтон, окруженная маленькой кучкой своих верных защитников. Пол был усеян трупами людей, положивших за нее жизнь. Впереди ее воинов стоял великан Мугамби. Арабы подняли ружья, чтобы выпустить последний залп по упорным вазири, но грозный окрик их предводителя остановил их.

– Не стреляйте в женщину! – крикнул Ахмет-Зек. – Того, кто причинит ей малейший вред, я убью. Хватайте женщину живьем!

Арабы кинулись в другой конец комнаты, но были встречены тяжелыми копьями воинов вазири. Сабли засверкали в воздухе, длинные пистолеты произнесли свой громоносный смертный приговор вазири. Мугамби с такой силой метнул копье в ближайшего врага, что оно прошло насквозь все тело араба, затем он выхватил пистолет у другого араба и стал ударять им направо и налево, разбивая головы всем, кто осмеливался приблизиться к его госпоже.

Трое-четверо оставшихся в живых вазири, следуя его примеру, сражались, как демоны, но они падали один за другим и наконец один Мугамби остался защищать жизнь и честь подруги Тарзана.

Из другого конца комнаты Ахмет-Зек наблюдал за неравной битвой и подстрекал своих любимцев. В его руке был разукрашенный драгоценными камнями мушкет. Он медленно понял его на плечо в ожидании момента, когда можно будет выстрелить в Мугамби, не рискуя попасть в женщину или в одного из своих товарищей. Мугамби продолжал яростно отбиваться от нападавших арабов. Но Ахмет-Зек нажал собачку, и верный негр без стога упал к ногам своей госпожи.

Джэн Клейтон тотчас была окружена и обезоружена. Арабы молча вытащили ее из дома. Великан, слуга Ахмет-Зека, поднял ее в седло, и в то время, как другие бросились к дому и пристройкам, чтобы забрать с собой все, что можно унести, он выехал с ней за калитку и остановился в ожидании своего хозяина.

Джэн Клейтон видела, как грабители вывели лошадей из конюшни и пригнали скот с полей. Она видела, как они грабили ее дом, унося все, что представляло в их глазах какую-

нибудь ценность. Она видела, как люди побежали всюду с горящими факелами и огненные языки охватили все, что осталось от дома Грейстоков.

И когда разбойники, сорвав таким образом свой гнев и удовлетворив свою жадность, собрались у ворот и поскакали на север, увозя с собой Джэн Клейтон, она видела, как дым и огонь высоко поднимались к небу, пока на повороте высокий лес не скрыл из вида печальную картину.

Дом Грейстоков был охвачен пламенем. Огонь пробивался уже в первую комнату. Длинные огненные языки лизали мертвые тела, распростертые на полу. Вдруг один из трупов зашевелился. Это был огромный чернокожий. Он повернулся и открыл залитые кровью страдальческие глаза. Мугамби, которого арабы считали мертвым, был жив. Он с трудом поднялся на четвереньки и сквозь застилавшие комнату дым и пламя медленно пополз к дверям.

Каждый шаг ему стоил невероятных усилий; несколько раз он падал без сил на пол, но все же подымался и снова продолжал свой путь. Ему казалось, что он полз бесконечно долго, прежде чем добрался до веранды; комната представляла из себя огромную раскаленную печь. Он дополз до ступенек веранды, скатился по ним в сад и, собрав последние силы, укрылся в освежающей прохладе кустарника.

Всю ночь пролежал он там. Временами он терял сознание, но мучительная боль заставляла его прийти в себя, и тогда он со свирепой яростью следил за огненными столбами, мрачно подымавшимися к небу от горевших хижин и полей.

Голодный лев зарычал совсем близко от него, но негр и не заметил этого. Все его мысли были сосредоточены на одном и в душе его было только одно стремление: месть, месть, месть!

VII СОКРОВИЩНИЦА ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ В ОПАРЕ

Некоторое время Тарзан пролежал на полу в сокровищнице Опара, глубоко под развалинами древнего города. Он лежал как мертвый, но он не был мертв. Он зашевелился и открыл глаза. Кругом был непроглядный мрак. Он нащупал рукой свою голову, и рука сразу стала мокрой и липкой от запекшейся крови. Он стал обнюхивать свои пальцы, как дикий зверь обнюхивает раненую лапу.

Тарзан медленно приподнялся и сел, прислушиваясь. Кругом все было тихо, как в могиле. Он встал на ноги и обошел ощупью вокруг комнаты. Кто он? Где он? У него болела голова, но никаких других последствий своего ушиба он не чувствовал. Он не помнил ни землетрясения, ни того, что было до него.

Неловкими движениями ощупывал он свое туловище, ноги, голову, точно эти предметы были ему совершенно незнакомы. Он нащупал колчан за спиной и кинжал у пояса. Что-то промелькнуло в его голове. Ах, да! Ему еще чего-то не хватало. Он ползком стал обшаривать пол в поисках вещи, исчезновение которой он чувствовал инстинктивно. Наконец он нашел его – свое тяжелое военное копьё. Вся его прошлая жизнь была неразрывна связана с этим оружием. Он почти не расставался с ним с тех пор, как давным-давно он вытащил свое первое копьё из рук убитого им негра.

Тарзан знал наверное, что существует другой мир – лучше и светлее, чем то, что заключалось тут в четырех каменных стенах. При дальнейших исследованиях он наткнулся на дверь, которая вела в глубь туннеля, лежавшего под землей между храмом и городом. Он вошел в коридор и, двинувшись вперед безо всяких предосторожностей, наткнулся на каменные ступени, ведущие вверх; Тарзан поднялся по ним и продолжал свой путь, направляясь к водоему.

Ничто не говорило ему, что он здесь уже был однажды. Ему эта местность была совершенно не знакома. Но тем не менее он продвигался в темноте так быстро, спокойно и уверенно, словно гулял по гладкой равнине при ярком свете полуденного солнца. И тут случилось то, что неизбежно должно было случиться при таких обстоятельствах.

Он дошел до края водоема, шагнул вперед в пустое пространство и стремглав полетел вниз в черную глубину. В руке он все еще сжимал свое копьё. Он упал в воду и пошел ко дну. Но колодец был неглубок. Копьё ударилось одним концом о дно и стало вертикально, и с его помощью Тарзану удалось вынырнуть на поверхность воды. Падение не причинило ему никаких ушибов. Он отряхнул воду с лица и глаз и взглянул наверх. Лучи дневного света, проникая через круглое отверстие высоко над его головой, слабо освещали внутренность водоема. На одном уровне с поверхностью воды виднелось широкое отверстие в сырой, скользкой стене колодца. Подплыв к нему, Тарзан вылез из воды и ступил на мокрый пол большого туннеля. Он углубился в туннель, но на этот раз он стал продвигаться очень медленно и осторожно. Неожиданное падение послужило ему хорошим уроком. Туннель был прямой как стрела; пол его был скользкий и мокрый, это говорило о том, что по временам вода в водоеме поднималась и затопляла туннель. Это очень затрудняло продвижение Тарзана: каждую минуту он мог поскользнуться и упасть. Потом туннель кончился, и Тарзан оказался у подножия лестницы.

Лестница несколько раз заворачивала то вперед, то назад и наконец привела Тарзана в небольшую круглую комнату. Слабый свет проникал сюда сквозь большую трубу, которая из середины потолка подымалась наружу. Она была нескольких футов в диаметре и над потолком продолжалась футов на сто или даже больше. Далеко наверху она заканчивалась каменной решеткой, сквозь которую Тарзану было видно ясное голубое небо.

Человек-обезьяна с любопытством стал оглядывать комнату. Вся ее обстановка состояла из нескольких кованых сундуков с медными запорами. Тарзан стал их ощупывать. Его пальцы быстро скользили по железным обручам и петлям. Машинально он приподнял крышку одного из сундуков и вскрикнул от восторга: перед ним на большом плоском подносе, сверкая в полутьме и переливаясь всеми цветами радуги, лежали груды драгоценных камней. Тарзан, совершенно забывший о прошлом под влиянием страшного ушиба и вернувшийся в первобытное состояние дикого человека, не имел сейчас никакого понятия о том, какое несметное богатство представляла его находка. Для него это были только красивые пестрые камешки. Он погрузил в них руку и стал забавляться ими, пересыпая их между пальцами. Он стал открывать другие сундуки. Все они были переполнены драгоценными камнями.

Почти все камешки были граненые и отделанные. Набрав полную горсть, Тарзан всыпал их в сумку, болтавшуюся у него на поясе; неграненые камешки он швырнул обратно в сундук.

Сам того не подозревая, Тарзан открыл давно забытое хранилище драгоценных камней города Опара. Сотни лет было оно погребено под храмом огненного бога в глубине одного из мрачных подземных ходов, в которые суеверные солнцепоклонники боялись спускаться.

Игра с красивыми камешками скоро надоела Тарзану, и он снова пустился в путь. За круглой комнатой снова начинался коридор. Он круто подымался вверх, причудливо извиваясь, и после многих поворотов привел Тарзана в низкую комнату, которая была светлее всех других, встречавшихся ему на пути.

От пола к отверстию в потолке подымалась крутая каменная лестница. Сквозь отверстие Тарзан увидел залитую солнцем площадку и высокие, обвитые диким виноградом колонны. Он с удивлением посмотрел на эти колонны: они как будто напоминали ему что-то. Тарзан наморщил лоб, стараясь что-то припомнить, но не был уверен в себе. Странная мучительная мысль все время не выходила у него из головы. Ему все казалось, что что-то ускользает от него, что он должен бы знать многое, чего он сейчас не знает.

Его размышления были внезапно прерваны громким раскатистым ревом над его головой. Вслед за этим послышался отчаянный крик и визг. Тарзан решительно схватил свое копьё и побежал к лестнице.

Странная картина представилась его глазам, когда он из сумерек подземелья попал на залитую светом площадку храма. Несмотря на то, что он забыл все, относившееся к его прошлому, в глубине его души сохранились еще представления о некоторых образах, и он сразу осознал, что перед ним находится много мужчин и женщин и один огромный лев. Мужчины и женщины бежали к выходам, а лев стоял посреди храма на трупе одного из мужчин, менее счастливого, чем его товарищи. Перед Тарзаном подле большой каменной глыбы стояла женщина, а поперек камня неподвижно лежал мужчина. Тарзан видел, как сверкали глаза льва, когда он смотрел на двух несчастных, оставшихся в храме. Страшный рев вторично огласил своды храма. Женщина вскрикнула и без чувств свалилась на тело мужчины, лежавшего на жертвеннике.

Лев сделал несколько шагов и приник к земле. Он уже готов был сделать прыжок, но его внимание внезапно было отвлечено Тарзаном.

Верпер лежал неподвижно и беспомощно на жертвеннике. Он видел, как лев готовился прыгнуть на него, и видел также, что со зверем произошла какая-то неожиданная перемена: лев обернулся и перевел глаза за алтарь на что-то, чего Верпер не мог видеть. Страшный зверь встал на дыбы. Какая-то фигура промелькнула мимо Верпера. Чья-то сильная рука поднялась в воздухе, и тяжелое копьё вонзилось в грудь хищника.

Верпер видел, как животное пыталось зубами схватить стержень копьё, и в это мгновение совершилось чудо из чудес. Голый великан, только что пронзивший льва копьём, бросился вперед с одним лишь ножом в руках. Лев поднялся на задние лапы и свирепо зарычал. И к

ужасу и без того насмерть перепуганного бельгийца, с губ странного человека сорвалось точно такое же львиное рычание.

Ловким прыжком в сторону Тарзану удалось избежать тяжкого удара огромной мохнатой лапы. Вторым прыжком он вскочил на спину льва. Его руки обвили вокруг косматой шеи, зубы впились глубоко в мясо животного. Рыча, прыгая, катаясь по полу, огромная кошка силилась скинуть своего яростного противника, а тем временем большая загорелая рука вонзала длинный охотничий нож в бок зверя.

Во время этой битвы Лэ пришла в себя. Точно очарованная стояла она подле своей жертвы, не отводя глаз от борющихся. Казалось невероятным, чтобы в открытой схватке человек мог одолеть царя зверей, а между тем она была свидетельницей такого небывалого дела!

Нож Тарзана отыскал наконец бурное сердце животного. Страшные судороги потрясли могучее тело, и лев упал мертвым к ногам победителя. Тарзан вскочил, поставил ногу на труп своей жертвы и, подняв лицо к небу, испустил такой ужасный крик, что Лэ и Верпер содрогнулись, а гулкое эхо долго еще вторило ему под сводами храма.

Теперь Тарзан повернулся, и Верпер узнал в нем мертвеца, которого он оставил в комнате драгоценностей.

VIII БЕГСТВО ИЗ ОПАРА

Верпер был поражен. Неужели это существо было тем исполненным собственного достоинства англичанином, который оказал ему такой радушный прием в своем роскошном африканском доме? Неужели этот дикий зверь с горящими глазами и залитым кровью лицом был человек? Неужели этот страшный победный крик мог вырваться из человеческой груди?

Тарзан смотрел на мужчину и женщину; его лицо выражало удивление, но он не узнавал их. Он как будто открыл новую породу живых существ и был страшно удивлен своей находкой.

Лэ пристально вглядывалась в черты человека-обезьяны. Глаза ее широко раскрылись.

– Тарзан! – воскликнула она. – Это ты? И она заговорила с ним на языке больших обезьян, который был в то же время и языком жителей Опара.

– Тарзан, ты вернулся ко мне. Лэ пренебрегала своими священными обязанностями в ожидании своего Тарзана! Она не взяла себе мужа, потому что на всем свете только он один мог стать ее мужем. И ты пришел ко мне. О, Тарзан, скажи же мне, что ты вернулся ради меня!

Верпер вслушивался в эти странные гортанные звуки и переводил свой взгляд с Лэ на Тарзана. Поймет ли Тарзан этот язык? К его удивлению, англичанин ответил ей такими же гортанными звуками.

– Тарзан? – повторил он задумчиво. – Тарзан! Я как будто слышал это имя.

– Это твое имя – ведь это ты Тарзан! – воскликнула Лэ.

– Я – Тарзан? – человек-обезьяна пожал плечами. – Ну что ж, это имя мне нравится. Я не знаю никакого другого, и потому я оставляю его себе. Но я не знаю тебя; я не пришел сюда ради тебя. Зачем я сюда пришел – я и сам не знаю. Я не знаю, откуда я пришел. Может быть, ты знаешь?

Лэ покачала головой.

– Я никогда этого не знала, – проговорила она. Тарзан повернулся к Верперу и обратился к нему с тем же вопросом.

Бельгиец покачал головой.

– Я не понимаю этого языка, – произнес он по-французски.

Без напряжения и, по-видимому, совершенно не сознавая, что он переходит на другой язык, Тарзан повторил свой вопрос по-французски.

Тут только Верпер понял, какие ужасные последствия имел для Тарзана его ушиб. Очевидно, этот голый человек совершенно утратил память и не помнил ничего из своей прежней жизни. Бельгиец уже хотел было растолковать Тарзану, кто он и откуда, как внезапно его осенила мысль, что лучше этого не делать. Если он хотя на время скроет от Тарзана то, что он сам о нем знает, ему, может быть, удастся использовать для себя несчастье, постигшее англичанина.

– Я не могу вам сказать, откуда вы пришли, – сказал он, – но скажу вам одно: если мы не уберемся сейчас же из этого проклятого места, мы оба будем убиты на этом кровавом жертвеннике. Эта женщина уже была готова вонзить свой нож в мое сердце, когда лев прервал их адский обряд. Пойдемте же! Поищем выход из этого ужасного храма, прежде чем они опрачатся от страха и вернуться все сюда!

Тарзан снова повернулся к Лэ.

– Почему ты хотела убить этого человека? – спросил он. – Ты была голодна?

Лэ возмущенно отвергла такое предположение.

– Он пытался тебя убить? – продолжал свой допрос Тарзан.

Женщина отрицательно покачала головой.

– Почему же ты хотела его убить?

Лэ подняла свою тонкую руку и указала на солнце.

– Мы хотели принести его душу в дар огненному богу! – сказала она.

Тарзан взглянул на нее с недоумением. Он снова был большой обезьяной, а обезьяны ничего не смыслят в таких вещах, как душа и огненный бог.

– Вы хотите умереть? – спросил он Верпера.

Бельгиец со слезами на глазах старался его убедить, что он вовсе этого не желает.

– Ну что ж, тогда и не надо! – проговорил Тарзан. – Пойдем отсюда. Эта самка убьет вас, а меня оставит себе. Но это не место для Мангани. Я бы скоро умер среди этих каменных стен.

Он повернулся к Лэ.

– Мы уходим! – объявил он.

Женщина бросилась к нему и схватила его руку.

– Не оставляй меня! – кричала она. – Остайся, и ты будешь верховным жрецом. Лэ любит тебя. Весь Опар будет принадлежать тебе. Рабы будут исполнять каждое твое приказание. Остайся, Тарзан, и любовь вознаградит тебя.

Человек-обезьяна оттолкнул от себя коленапреклоненную женщину.

– Тарзан не хочет тебя, – ответил он просто и, подойдя к Верперу, перерезал связывавшие его веревки и сделал ему знак следовать за собой.

Тяжело дыша, с искаженным от злобы лицом Лэ вскочила на ноги.

– Ты останешься! – яростно закричала она. – Ты будешь моим! Если Лэ не может получить тебя живым, она получит тебя мертвым!

Подняв голову к солнцу, она испустила тот страшный, лающий визг, который Верперу пришлось слышать однажды, а Тарзану много раз.

В ответ на ее крик послышался беспорядочный шум голосов в прилегающих к храму комнатах и коридорах.

– Придите, хранители жрицы! – кричала Лэ. – Неверные осквернили святая святых. Придите, наполните ужасами их сердца, защитите Лэ и ее алтарь, очистите храм кровью осквернителей!

Верпер не понял, но Тарзан понял все. Взглянув на бельгийца, он увидел, что тот безоружен. Он подскочил к Лэ, охватил ее своими сильными руками и, хотя она отбивалась с безумной яростью демона, он скоро безоружил ее и передал Верперу ее длинный жертвенный нож.

– Это вам пригодится! – сказал он.

И едва он успел это сделать, как изо всех дверей в храм хлынули толпы уродливых маленьких кривоногих человечков.

Они были вооружены дубинами и ножами, фанатическая ненависть распаляла их смелость. Верпер онемел от ужаса. Тарзан с гордым презрением оглядывал врагов и медленно Подвигался к двери, которую он себе наметил для выхода из храма.

Здоровенный жрец преградил ему дорогу. За ним кинулись и другие. Тарзан поднял свое копьё, изо всей силы ударил им по голове жреца и размозжил ему череп. Тот не успел даже вскрикнуть.

Копьё беспрерывно подымалось и опускалось на головы жрецов, пока Тарзан медленно прочищал себе дорогу к выходу. Верпер следовал по пятам. Он бросал пугливые взгляды назад на пляшущую, воющую толпу жрецов, следовавших за ними. Он держал жертвенный нож наготове, чтобы пронзить им первого, кто осмелится подойти к нему поближе, но никто не приблизился к нему. Он удивлялся, что жрецы, смело вступившие в борьбу с таким силачом, как Тарзан, не решились броситься к нему, хотя он был значительно слабее. Если бы они кинулись на него, он моментально пал бы их жертвой. Тарзан уже добрался до дверей через трупы всех, кто загораживал ему дорогу, когда Верпер понял, что поставило его в такое привилегированное положение. Жрецы боялись жертвенного ножа. Они радостно пошли бы на смерть, защищая

свою верховную жрицу и ее жертвенник, но смерть смерти рознь. Они, не задумываясь, бросались в смертный бой с могучим Тарзаном, но суеверно боялись умереть от священного ножа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.